

Глава 35. Словно сон — не сон, а обернёшься — пустота

Дождь падал в глаза юноши, и понемногу растерянность, с которой он очнулся, исчезала. Он долго, молча смотрел в небо и смутно чувствовал: эта картина ему знакома... будто он уже не впервые пробуждается после долгого сна, в безлюдном месте тихо спрашивает себя, кто он такой, а вокруг — никого, кто мог бы дать ответ.

Впрочем, если никто не скажет — не беда.

Он перевернулся и сел, опершись ладонями о каменный помост, и сверху вниз окинул взглядом мерцающие блики воды вокруг Круглого алтаря.

— Чжао, Цянь, Сунь, Ли, Чжоу...

Он пересчитывал одну за другой лазурные фарфоровые лампы, расставленные по кругу, — так дети в былые годы, нарвав горсть цветов, считают лепестки и по последнему решают свою судьбу.

— ...И, Гун, Нин... Цю.

— Вот и всё.

Он удовлетворённо остановился.

— Значит, моя фамилия — Цю.

— Ты ещё двадцать шесть ламп не досчитал, — не удержался чей-то голос.

Из тени колонны в водной беседке неподалёку от алтаря проступила высокая фигура.

— Если уж так считать, тебе скорее подошла бы фамилия Хуай.

— А я и не собирался считать весь круг, — мягко объяснил юноша. — В таких делах можно остановиться, как только дойдёшь до того, что тебе по душе. Разве ты этого не понимаешь?

Во сне он выглядел тихим и безмятежным. Но стоило ему открыть глаза — и, несмотря на белые одежды и кроткую речь, в нём проступало что-то недоброе... Если в детстве он и правда решал что-то, считая лепестки, то наверняка, не моргнув глазом, просто отрывал лишний.

— Софистика, — усмехнулся человек в темноте. — Почему бы тебе не спросить меня, кто ты такой?

Вот это как раз была бы самая обычная реакция.

— Разве спрашивать тебя — не странно? — с удивлением возразил юноша. — Я сейчас ничего не помню. Откуда мне знать, не поколотил ли я тебя когда-нибудь и не перешёл ли тебе дорогу? Если я спрошу, кто я такой, а ты назовёшь мне какое-нибудь нелепое имя — или, того хуже, имя какого-нибудь демона из цзянху... мне что, верить тебе или нет?

— ...

Человек в темноте на миг и сам перестал понимать, действительно ли тот всё забыл или только притворяется; вошёл ли он в строй или нет. Помолчав, он продолжил:

— Фамилия Цю. А имя?

— Цю...

Юноша огляделся по сторонам и увидел фарфоровую лампу, качавшуюся на ветру. Огонёк в ней был тонким и слабым.

— Бодэн.

— Моя фамилия — Цю, имя — Бодэн.

— Цю Бодэн.

.....

— Да что за врагов себе нажил этот Цю Бодэн?..

Лу Цзин уже почти онемел от происходящего. С саблей в руке он стоял посреди улицы Пань и не хотел шевелить даже пальцем.

— Чтобы его убить, столько возни... Слушайте, если уж кого-то надо прикончить, зачем каждый раз всё так усложнять? Взял нож, пнул дверь в комнату — и руби. Или нанял парочку убийц, засел с ними в трактире, дождался, пока он напьётся, — чик, и готово. Разве не проще?

Цзо Юэшэн закатил глаза:

— Лу Одиннадцатый, у тебя всё слишком просто выходит. Сегодня кто-нибудь пнёт дверь в его комнату с ножом, а завтра Тайи пнёт дверь в чью-нибудь могилу — решишь или нет?

— Верю... — безжизненно отозвался Лу Цзин. — Но тогда Чжоу Цзыянь совсем рехнулся? Поднять руку на Маленького предка-наставника школы Тайи — он не боится, что Тайи сровняет Город Жу с землёй?

— Обычно, если всё обставляют так сложно, причин всего две, — перебирая чётки, сказал монах Буду. — Либо тот, кого хотят убить, слишком силён, и в лоб с ним не справиться. Либо за его спиной стоит слишком много людей, и убрать нужно всех разом. У дарителя Цю уровень лишь на стадии Просветления сердца, значит, скорее всего, верно второе.

— Да плевать уже на причины! — сорвался Лу Цзин. — Я только хочу понять, что это, мать вашу, теперь такое?!

Он ткнул пальцем в совершенно невредимую улицу Пань.

— Нельзя, что ли, дать человеку умереть нормально?!

И неудивительно, что Лу Цзин так взбеленился.

Поначалу, оказавшись окружённым людьми на улице Пань в три кольца, он ещё немного нервничал. Но стоило начаться драке, как выяснилось, что всё до смешного легко: силы у этих людей были не больше, чем у обычных смертных. Даже самый слабый из них, Цзо Юэшэн, валил по несколько человек за раз. Но стоило им очистить всю улицу и собраться уходить дальше, как перед глазами у всех поплыло, сознание качнулось.

А когда они пришли в себя, то снова стояли на той же самой улице Пань — точь-в-точь как в первый раз.

И все те, кого они только что убили, опять стояли на своих местах — целые и невредимые.

После нескольких таких кругов Лу Цзин был уже на грани.

Даже когда за одну ночь Город Фу переменился до неузнаваемости и всех горожан подчинило искусство марионеток, это не вызывало такого отвращения, как нынешний бесконечный повтор.

— Даритель Лу, прошу, успокойтесь, — несколько раз пробормотав «Амитабха», сказал монах Буду. — Мы попали в иллюзорный убийственный строй. В «иллюзии» ложное и истинное рождают друг друга, а главный её смысл — «бить по сердцу». Что бы ни показал вам владыка строя, всё это лишь для того, чтобы смутить ваш внутренний дух, поколебать светлую площадку сознания, а затем, когда вы устанете душой и разумом, внезапно нанести настоящий удар. Потому ни в коем случае нельзя раздражаться — но и расслабляться тоже нельзя!

— И что нам теперь делать? — с тревогой спросил Лу Цзин. — Не можем же мы застрять здесь

навсегда?

Им ещё нужно было спасти Цю Бодэна.

...Хотя, возможно, в итоге это Цю Бодэн придёт спасать их.

— У любого строя есть глаз, — сказал Цзо Юэшэн. — Даже у иллюзорного. Разобьём глаз строя — и выберемся.

— Легко сказать, — отозвался монах Буду. — Беда в том, что этот иллюзорный строй не из простых. Городской оракул Чжоу выстроил его на водной ряби и огненном свете, а вода и свет — вещи текучие и изменчивые. Значит, и глаз строя меняет положение. Найти его будет непросто.

— Но даже у самого сложного должно быть хоть какое-то правило... — схватился за голову Цзо Юэшэн.

— А вам... вам не показалось, что с этой улицей что-то не так? — вдруг подал голос Е Цан, до сих пор почти не вступавший в разговор.

— Да тут с самого начала всё не так! — огрызнулся Цзо Юэшэн.

— Нет, я не об этом. — Е Цан смотрел по сторонам, и голос его звучал не слишком уверенно. — Вы не заметили, что товары на ночном рынке какие-то странные?

— А?

Остальные уставились на него с непониманием.

Е Цан подошёл на несколько шагов к лотку с цветочными заколками. После стольких повторов они уже успели уловить закономерность: каждый раз после нового начала, до того как у жителей Города Жу проявится Чешуя жизни и они пойдут в атаку, оставался короткий безопасный промежуток.

— Здесь нет ни одного лотка с закусками.

— А? — недоумение на лицах остальных стало только сильнее. — Лотка с чем?

— ...

Е Цан в который раз осознал, что все эти люди — даже обычно самый надёжный Лоу Цзян —

выросли в достатке и никогда не знали нужды. Да, они любили шуметь, бегать туда-сюда, веселиться, но о том, как живут самые обычные люди, понятия не имели.

— Закуски — это еда.

Он терпеливо начал объяснять:

— На утреннем рынке обычно продают сладости, лепёшки, жареный чай, а на ночном всего куда больше: рис с подливой, томлёное мясо, сушёные ломтики, баоцзы, куриную кожу, крошево из курятины, острую тыкву, имбирь со сливами, тонкую лапшу на шпажках... Всё это обычно раскладывают порциями по ящичкам — такие вещи и называют закусками. Дёшево: за пятнадцать вэнь можно купить большую порцию. На любом празднике, на любом сборище такое обязательно бывает. Хотя вчера я из дома не выходил, так что не знаю... может, это только в иллюзии так.

Цзо Юэшэн припомнил:

— А ведь и вчера, когда мы гуляли по ночному рынку, такого не было. Единственное место, где продавали еду, — трактир... И молодой господин Цю ещё сказал, что там кормят отвратительно. Помню, жареную курицу и утку он вообще не тронул, а из большой тарелки с фруктами кое-как выбрал и съел только два кусочка.

— Сколько вы заплатили за вино и закуски? — уловив что-то важное, спросил Лоу Цзян.

— Не я платил. Я тогда считал клетки... не... не слышал.

Цзо Юэшэн сухо кашлянул.

Лоу Цзян всё понял.

Скорее всего, молодой господин Цзо, известный скупердьяй, как только они вошли в трактир, сразу юркнул на своё место, лишь бы не раскошелиться, а расплачиваться предоставил тем двоим, для кого деньги ничего не значили, — Цю Бодэну и Лу Цзину.

— Пятьдесят одна лянов серебра, — ответил Лу Цзин.

Он запомнил так точно лишь потому, что вся его охрана погибла в Городе Фу, и это был первый раз в жизни, когда молодой господин Лу сам платил за что-то.

Раньше он тоже принадлежал к тем, кто не выходил из дома без толпы слуг и телохранителей.

— Пятьдесят одна... серебра? — Е Цан дёрнул щекой и на миг даже не нашёлся, что сказать.

— Да чтоб тебя! — Цзо Юэшэн подскочил как ужаленный и развернулся к трактиру. — Что это ещё за разбойный притон? Пошли, пошли, я сейчас его разнесу к чёрту!

— Ч-что не так? — ошарашенно спросил Лу Цзин.

— Молодой господин Лу, — устало пояснил Е Цан, — за цзинь крепкого вина обычно берут шестнадцать вэнь; даже самое дорогое стоит не больше одного-двух лянов. Цзинь курятины — примерно четырнадцать-пятнадцать вэнь, фрукты и сладости считают по тарелкам, это около шести-семи вэнь... За одну трапезу отдать пятьдесят одну лян серебра — это, простите, вас так обобрали, что даже слов «простофиля» на вас жалко.

— Не обязательно, — тихо сказал Лоу Цзян. — Ты заговорил об этом, и я вспомнил ещё кое-что.

— Что?

— Когда мы входили в город, то прошли через несколько самых больших торговых улиц. И я не увидел ни одной харчевни... Но тогда зрелище плывущих рыб жу было слишком дивным, а всюду вокруг рдели шёлка и алые ленты, так что я решил, будто Город Жу славится тканями и шёлковыми лавками, и не придавал значения. А теперь думаю — и правда странно.

Он помолчал, ощутив лёгкую неловкость.

На самом деле причина была не только в том, что Город Жу славился алым шёлком.

Ещё и в том, что его собственный уровень давно перевалил стадию Укрепления души, и он уже не нуждался в пище. Пусть он и не держался заносчиво, как многие заклинатели, — всё равно иной раз забывал: смертные и люди Пути живут по-разному.

Смертным нужно есть трижды в день.

Одежда, еда, кров, дорога — но для смертного важнее всего именно еда.

Он собрался с мыслями и снова спросил у Лу Цзина:

— А вчера в трактире ты не видел, чтобы кто-нибудь спорил с хозяином из-за безумных цен?

Лу Цзин покачал головой и с обидой в голосе ответил:

— Если бы видел, я бы не оказался таким дураком, верно?

— Вот именно. — Лоу Цзян медленно обвёл взглядом улицу, и по спине у него прошёл холодок.
— Цены на еду запредельные, но никто в трактире не возмущается. Такое бывает только в одном случае —

— в этом городе еды почти не осталось!

И стоило ему договорить, как у людей на улице снова проступила Чешуя жизни, а выкрики торговцев зазвучали вновь.

— Гребни продаю! Гребни продаю!.. Сама бабушка Ху делала!

— Свежесрезанные веточки-цветы, живые восковые цветы на шёлке!

— ...Ай-яй, тяжко-то как!

— ...

Знакомое многоголосье улицы, знакомые певучие переливы, знакомая мягкая волна людского шума. Все оттенки людской жизни были на месте — кроме самого главного для живой плоти: дров, риса, соли и масла.

Цзо Юэшэн шаг за шагом попятился. А когда оказался рядом с монахом Буду, вдруг развернулся и, вскинув саблю, рубанул тому по макушке!

Лязг —

Монах Буду сложил ладони, и между ними вспыхнул золотой свет: клинок Цзо Юэшэна он зажал голыми руками.

В тот же миг, как Цзо Юэшэн ударил, Лу Цзин шагнул вперёд и перекрыл монаху путь к отступлению. Е Цан и Лоу Цзян запоздали на миг, но тут же тоже двинулись — и с двух сторон приставили меч и саблю к его горлу.

— Что всё это значит, дарители? — с изумлением воскликнул монах Буду. — Не надо междоусобицы, не надо!

— Лысый осёл! — Цзо Юэшэн изо всех сил давил саблей вниз. — Хватит прикидываться! Ещё до приезда в Город Жу ты без конца твердил, что нас ждёт кровавая беда. Ты знаешь этот город так, будто бывал здесь сто раз, хотя уверяешь, что видишь его впервые. В трактире вчера ты тоже сказал: «Такой ночной рынок в Городе Жу нечасто увидишь»... Да ты, лысый, с самого начала врешь без передышки! По-моему, ты и есть человек Чжоу Цзыяня, которого нам подослали!

— Всё можно обсудить! Всё можно обсудить! Я и впрямь впервые в Городе Жу! — запричитал монах Буду.

Лоу Цзян с холодным лицом чуть глубже вжал меч в его горло.

— Эй-эй-эй! За что же так! Я невиновен! Монах не лжёт — всё, что я говорил, было правдой, просто вы не верили! — вздохнул монах Буду. — Неужели вы забыли, что я пропел при нашей первой встрече?

— Глуп, глуп, глуп, безумен, безумен, безумен, — припомнил Лу Цзин. — Ложь ли, правда ли — таится дракон Куй...

— Ступай, ступай, ступай, плыви, плыви, плыви, — подхватил монах Буду. — Словно сон, не сон...

Он резко разжал руки и вскинул чётки вверх.

Золотой свет вспыхнул ослепительно: над серой улицей, словно второе солнце, взойшёл огненный диск.

— Обернёшься — пустота!

.....

— Что это? — Цю Бодэн в белых одеждах сидел на верхней ступени жертвенника Круглого алтаря и, вглядываясь вдаль, заметил, что над западной частью города смутно вспыхнул солнечный свет. — На востоке солнце, на западе дождь?

— Неужто Золотая ворона могла опуститься на землю?

— Ты всё время прячешься в тени потому, что слишком уродлив? — внезапно спросил Цю Бодэн. — Похвально, конечно, что ты не хочешь осквернять людские глаза, но можешь выйти. Я просто не стану на тебя смотреть.

Человек во тьме сначала промолчал, потом тихо вздохнул и вышел из-за колонны:

— Не бойся. До редкой красоты мне далеко, но и глаза тебе я не оскорблю.

Цю Бодэн обернулся.

В беседке стоял человек.

По его лицу скользили блики воды, придавая ему холодную, далёкую и почти царственную отстранённость. Он был не просто хорош собой — назвать его «неплохим» значило бы чрезмерно поскромничать. Это был человек, который даже в простой одежде, войдя в шумную лавку и сев выпить рядом с ремесленниками, всё равно казался бы бесконечно далёким. Белый, как снег, без малейшей пылинки мирского.

— Ты и правда совсем не изменился, — сказал он.

<http://bllate.org/book/16967/1588586>